МИР РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Русское интеллектуальное наследие

24 сентября 2015 г. в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына прошел круглый стол «В.Н. Ильин и метафизика русской культуры», который был посвящен 125-летию со дня рождения философа, богослова, композитора, литературного и музыкального критика Владимира Николаевича Ильина (1890–1974).

Центральной для круглого стола стала тема русской культуры, в контексте которой были рассмотрены актуальные проблемы, связанные с изучением биографии и наследия В.Н. Ильина. Самым перспективным и интересным исследовательским направлением было признано изучение архивных источников, проливающее свет на творческую биографию В.Н. Ильина и развитие его оригинальных идей. Ниже представлены статьи, которые подготовлены по материалам круглого стола.

ИССЛЕДОВАНИЯ В.Н. ИЛЬИНА ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ (по архивным материалам)*

О.Т. ЕРМИШИН

Благодаря переизданиям книг и статей[1], новым архивным публикациям[2], появившимся за последнее время, среди других мыслителей русского зарубежья Владимир Николаевич Ильин становится все более известен широкой читающей публике. Он был философом, богословом, литературным и музыкальным критиком. Однако все многочисленные научные занятия Ильина так или иначе были связаны с его главным личным интересом к истории русской культуры. И эту сторону жизни Ильина невозможно понять без целого ряда неопубликованных материалов из его личного архивного фонда[3].

Прежде всего, речь идет о задуманной Ильиным во второй половине 1940-х гг. трилогии «Русская культура». В апреле 1947 г. В.Н. Ильин написал в предисловии, что его труд по истории русской культуры предполагает три части: первая часть будет посвящена русской науке, вторая – русской музыке, третья – русской философии[4]. Таким

* Статья подготовлена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Подготовка научной публикации рукописи В.Н. Ильина “Русская наука”», грант № 15-03-00558.

образом, трилогия имела концептуальный характер и должна была охватить исследование русской культуры с разных ее сторон. Нельзя сказать, что трилогия была полностью закончена, но все три части в разной степени были подготовлены. Первая часть, имеющая объем 283 листа и озаглавленная «Русский гений в области точной науки», включает полностью написанные четыре главы: «Российская академия наук и Михаил Васильевич Ломоносов. Общая характеристика XVIII в. в России», «Русский девятнадцатый век и его достижения в области общей культуры. Судьба русской науки в XX веке», «Математика и математическое мышление в России», «Успехи русской точной науки в области физики и химии».

Сразу можно обратить внимание на то, что Ильин не просто описывает русскую культуру, а выступает, по сути, ее апологетом. Апологетика Ильина предполагает защиту русской культуры от двух ее главных врагов – западных шовинистов, принижающих значение любой не западной культуры, и советских марксистских идеологов, утверждающих право только пролетарской культуры на существование. Главная цель в апологетике русской культуры для Ильина – это всесторонне показать достижения русской науки, музыки, философии. Например, для истории науки Ильин призывает найти правильную точку зрения, которая предполагает «имение правильных историософских перспектив в области истории науки, ее проблематики и зависимости последней от философско-миросозерцательных и общекультурных установок», что «возможно только при поднятии над общим средним уровнем мелких шовинистических претензий и счетов и при возвышении до уровня подлинно вселенских перспектив, ничего общего с классовым интернационализмом не имеющих»[5].

Однако историософские перспективы, связь каждого ученого с его эпохой не заслоняют от Ильина живую личность, которая имеет свои взгляды, убеждения, идеалы. Личностные особенности позволяют ему лучше понять результаты научной деятельности того или иного русского ученого. Особенно возмущает Ильина, когда «консервативные» или «монархические, антиреволюционные» взгляды ученых становились основанием для их травли в революционно-демократической прессе или для забвения в советской историографии. Такое же возмущение вызывали у Ильина стремления в зарубежной научной литературе все открытия и изобретения приписывать исключительно западным ученым и замалчивать русских исследователей, раньше или одновременно сделавших те же открытия. Для Ильина наука развивается в истории, но ее достижения стоят вне времени и политики.

Исходя из своего личностного подхода, Ильин всегда сначала кратко излагает биографию ученого, дает его личную характеристику и только затем переходит к описанию и анализу его научных открытий. Особое место в исследовании Ильина занимает М.В. Ломоносов, которому

отведена отдельная глава. На примере Ломоносова Ильин показывает многообразие интересов, свойственное русскому научному гению. Хотя он признает Ломоносова в первую очередь «отцом химии как точной науки»[6] (даже пишет, что благодаря М.В. Ломоносову и Д.И. Менделееву «химия как строгая наука создана в России»[7]), но все же считает, что Ломоносов показал в равной степени свои выдающиеся способности в самых разных областях знания – физике, математике, поэзии...

Вместе с тем личность каждого ученого дает возможность Ильину лучше понять и раскрыть особенности русского духа, русской психики и того, что он назвал национальным стилем в культуре. Объясняя мощный расцвет русской культуры в XIX в., Ильин доказывал, что этот расцвет проистекал из некоторой общей установки русского духа: «Русский в XIX веке ставит себе вопрос о смысле истории вообще, но еще более, о смысле своей истории в частности... И вот, решая эту трудную и роковую задачу в одном плане с этикой, русский дух не находит иного ответа, как тот, который вмещается в одном кратком, но многозначительном слове – СЛУЖЕНИЕ»[8]. Именно служение человеку, народу стало в России основой для бурного развития как в целом культуры, так и, в частности, науки. Результатом этого служения стала особая свобода духа, соединенная со строгостью и свободой мысли. Ильин очень сожалел, что тот апогей развития, которого достигла русская наука к началу XX в., не был сохранен в дальнейшем, был разрушен революцией.

С повышенным интересом Ильин описывал развитие в России математики, которую считал высшей из наук («царицей наук»). По мнению Ильина, именно на примере математики можно судить о научной одаренности того или иного народа. Целая плеяда русских гениев в математике, создание ряда математических школ говорит, как считал Ильин, само за себя. П.Л. Чебышев, М.В. Остроградский, Н.И. Лобачевский, Д.А. Граве и многие другие русские математики открыли новые горизонты в математической науке. Однако Ильин особо выделял тех, кто не только был узким специалистом в своей области, но еще и занимался обоснованием мировоззренческих, философских основ науки. К таким ученым Ильин относил Н.В. Бугаева и священника Павла Флоренского, соединивших занятия математикой и философией. Так, Н.В. Бугаев создал аритмологию, и в его понимании, как пишет Ильин, математика стала «ОБЩЕЙ МОРФОЛОГИЕЙ БЫТИЯ, где обычная формальная аристотелева логика вместе с эвклидовой геометрией становятся частными случаями»[9].

Не в меньшей степени, чем математика, на общее научное мировоззрение в России повлияли физика и химия. Соединение физики и химии было обосновано еще М.В. Ломоносовым, но в XIX – начале XX в. эти науки достигли наибольшего развития. В химии большим достижением для всей мировой науки стала периодическая система Д.И. Менделеева, а его «Основы химии» превратили химию из

эмпирической науки в теоретическую. Русские физика и химия благодаря таким ученым как Н.А. Умов, П.П. Лазарев, В.И. Вернадский, А.Е. Чичибабин и др. превратились в единую и целостную «науку о природе». Научное сообщество, воодушевленное свободой мысли и идеей служения, могло бы еще многого достигнуть, но над русской культурой произошел, по выражению В.Н. Ильина, «страшный суд истории». Как полагал Ильин, перед беспощадно жестокой революцией выстояли и сохранились три основные части русской культуры: Русская Церковь, русская наука, русское искусство. Они, пишет Ильин, «выдержали по той причине, что каждая из этих сил по-своему выражала и воплощала идею вечного и бесконечного, стоя в том главном, что составляет ее основу – над "злобой дня" и, следовательно, над какими бы то ни было частными интересами, а потому и вне сферы уязвимости со стороны этих интересов или со стороны упреков в какой бы то ни было заинтересованности. Другими словами Русская Церковь, русская наука и русское искусство никогда не были буржуазными и классовыми, а потому и крушение классов на них по существу не отразилось»[10]. Это и подобные высказывания говорят о том, что при изучении русской культуры Ильин искал ее основы или основополагающие идеи, которые определили русский культурный тип. Научная мысль, наряду с религиозностью и художественным творчеством, была для Ильина одной из таких основ русской культуры. Мышление формирует все создаваемое человеком и, в том числе, культуру в целом.

Понимая русскую культуру как взаимосвязанную систему, Ильин поставил на второе место после науки музыку. Однако под музыкой Ильин имел в виду не только вид исполнительского творчества, но особенности, существующие в музыкально-звуковом восприятии народа или, можно сказать, «музыкальное мировоззрение». Так, например, Ильин начал рассмотрение русской музыки с ее географического «месторазвития» (термин был заимствован им из евразийства), особенно подчеркивая ее связь с эллинской музыкальной традицией. Затем он прямо указал на основу русской музыкальной культуры – «дионисический порыв», который одновременно есть «натуралистическая подпочва русской религиозности»[11]. Религию сопровождает культовое оформление, из которого появляется культура, имеющая два источника – натуралистический (природный) и духовно-творческий.

Ильин считал, что музыку следует изучать в контексте культуры каждого народа. Сущность музыки можно понять только через исследование общей «морфологии культуры», которая имеет как духовную сторону, так и материальную. Описывая многочисленные факты из истории как русской науки, так и русской музыки, Ильин видел за ними особые формы национального творчества. Душа народа, несмотря на все иностранные влияния, все равно находит свое оригинальное выражение.

В рукопись Ильина по истории музыки вошло семь глав: «Месторазвитие русской музыки и ее предыстория», «Русские особенности в искусстве», «XV век и эпоха Иоанна Грозного», «Некоторые особые обряды XVII в. Шествие на осляти и пещное действо», «Музыкология эпохи просвещенного абсолютизма. Музыкальная журналистика. Музыкальные издательства. Мастера музыкальных инструментов», «Петербургский период. Музыкальная культура России в эпоху просвещенного абсолютизма», «Глинка и расцвет русской оперы». Таким образом, Ильин проследил развитие русской музыки от «предыстории» до появления «русской оперы», исследуя диалектику национального творческого становления и самовыражения. Эта диалектика предполагала несколько этапов: 1) создание религиозной, церковной основы для творчества, в том числе песенного и музыкального, 2) развитие форм чисто церковного творчества, 3) столкновение с западной светской культурой, ее освоение (XVIII в.), 4) создание оригинального национального типа культуры, состоящего из синтеза светских и религиозных элементов. Национальный русский стиль в музыке впервые выразил М.И. Глинка, то же самое в литературе сделал А.С. Пушкин, в науке – М.В. Ломоносов. По мнению Ильина, начавшаяся с М.И. Глинки русская музыка XIX в. – это здание «дивного стиля и чудесной красоты, над дальнейшим возведением и отделкой которого потрудились Римский-Корсаков, Бородин, Чайковский, Мусоргский, Стравинский... Но краеугольный камень положен Глинкой»[12].

Сущность русской культуры невозможно объяснить только внешними влияниями или политикой государства. Ильин, например, обращает внимание на тот факт, что XVIII в. и период Просвещения – это литературная эпоха, когда словесному творчеству отводилось первое место, а все остальное, так или иначе, соотносилось с ним. Тем не менее, замечает Ильин, «если, несмотря на это, элитная музыка в России сделала в XVIII веке столь большие успехи, захлестнув своей волной буквально все общество, так это объясняется вообще необычайной музыкальностью самого народа, у которого никак нельзя было заглушить основную суть его – музыкальную душу». Можно сказать, что расцвет музыкального творчества произошел в России XVIII в. не под влиянием эпохи, а, скорее, вопреки ее «антимузыкальности». Ильин предложил свое объяснение данного парадокса: «русская душа» имеет внутреннюю музыкальную динамику с ее таинственными законами. Без изучения этой динамики нельзя понять сущность русской культуры и, в частности, русской музыки.

Завершает трилогию Ильина исследование русской философии. По мнению Ильина, философия есть не дело только ученых, но отражает сущностные характеристики всего народа, или даже народов, населяющих территорию России, которая есть особый культурно-языковой космос. Исходя из этого положения, Ильин изучает философию не как

историю философской науки, а как часть русской культуры. С точки зрения генетического метода, Ильин находит в истории «прерывный полипериодизм». Речь идет о том, что Россия имеет несколько периодов, когда в конце одного периода развитие избранного народом и государством пути прекращается, но затем происходит возрождение на совершенно новом пути. Ильин насчитал четыре периода в истории русской культуры – докиевский (до образования Киевской Руси), киевский (Киевская Русь), московский (Московское царство), петербургский (Петербургская империя) – после которых последовал советский период. Каждый период означает особую форму культуры. Для Ильина история русской культуры начинается с крещения Руси князем Владимиром, а наивысшего развития творческий гений России достигает в петербургский период в трех главных областях – в литературно-философско-миросозерцательной, научной и музыкальной. Таким образом, философия есть не что иное, как отражение народного миросозерцания.

Ильин готов признать, что до петербургского периода была «предыстория», но что в киевский и московский периоды сложились все ведущие образы русской культуры, без изучения и понимания которых невозможно понять русскую философию, причем как ее развитие, так и сущность. Киево-Новгородская Русь была, прежде всего, не государственным, а культурным явлением, возникшим и развившимся на почве христианства. Духовной основой Киевской Руси и ее культуры стал «православный евангельский гуманизм». Ильин замечает: «Предыстория России есть ИСТОРИЯ ЕЕ КУЛЬТУРЫ, НО ВНЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО БЫТИЯ. Обычно же бывает наоборот»[13].

Монгольское нашествие изменило течение русской истории, и задачей русского народа стало создать то, что могло противостоять внешнему давлению и экспансии (как военной, так и культурной). В результате появляется Московское княжество, а затем Московское царство, которое в силу самого факта своего существования на границе Европы и Азии испытывает множество влияний как с Востока, так и с Запада. Первый серьезный вызов православной русской культуре был брошен уже в XV в. в виде ереси жидовствующих, основой которой Ильин считал не иудаизм, а рационализм западного толка. Это была, по мнению Ильина, «противоправославная революционная программа». С тех пор начинается активная защита русской православной культуры, следствием чего и стало появление русской философии в двух ее формах – как апологетики и как критики христианства. В радикальном виде апологетика православного христианства нашла выражение в старообрядчестве, учение которого Ильин назвал «национальной эстетической русской философией», основанной на христианском идеале красоты, и «народной метафизикой». Однако в течение XVII в. постепенно возобладали прозападные тенденции, которые привели, в конце концов, к «революции» Петра I.

Культура, созданная через соединение славянских и византийских начал, пришла в естественный упадок, и на ее место пришел новый культурный синтез русских и западных элементов, впервые осуществленный на украинской земле – по выражению Ильина, в «православной культуре западного типа». В борьбе с польской экспансией Украина выработала мощное духовное оружие, позаимствовав многое у своих врагов. Однако, как подчеркивал Ильин, украинская культура – эта та же православная культура, но в условиях борьбы и внешней экспансии. И когда Россия оказалась в состоянии войны со Швецией, Петр I с легкостью воспринял опыт украинской православной культуры, чтобы перестроить Россию не только в военно-техническом, но и в культурном отношении. Вместе с тем Петр I создал проблему, которую решала русская культура XVIII и XIX вв. – как совместить светскую западную культуру, повсеместно распространяемую под давлением государства, и религиозную сущность (идею, духовную основу), сохранившуюся в русском народе. По мнению Ильина, дело заключалось не только в реформах Петра I, а в самой русской культуре, как будто самой историей обреченной на постоянную мировоззренческую поляризацию. Ильин выделил три события, связанных с проявлением этой поляризации: двоеверие (борьба язычества и христианства в ранний период русской истории), церковный раскол XVII в. и возникновение революционно-социалистической общественности, которая затем привела Россию к революции 1917 г.

С западничества Петра I, считал Ильин, начинает свое историческое существование «миросозерцательный клан» русской интеллигенции с ее упрощенным просветительством и верой в прогресс. Западничество получает фанатичных сторонников, которые противостоят народу и его вере. Основой подлинного национального философствования Ильин признавал вселенское миросозерцание, или «вселенское чувство». Если для Ильина религия и страдание суть «неизбежные основоначала этого почвенного вселенского чувства», то «революционная демократия не знает ни религии, ни страданий, знает только безбожие и злобу»[14].

Выход из миросозерцательной трагедии, из всех ее противоречий пыталась найти русская религиозная философия. В то время когда западная рационалистическая философия в России пришла к полному вырождению в позитивизме и материализме, русская религиозная философия медленно и постепенно возрастала, получив свое раскрытие в русском философском ренессансе конца XIX – начала XX в.

Большой импульс русская религиозная философия получила от немецкого идеализма, который был, как считал Ильин, во многом родственным русскому национальному мышлению. Эту родственность Ильин объяснял общим источником двух философских традиций, через мистику восходящих к христианскому неоплатонизму (Ареопагитикам, преп. Максиму Исповеднику). В данном случае можно сказать, что так активно воспринятые из Германии Ф. Шеллинг и Г.Ф.В. Гегель

были не только идейными ориентирами, но и проблемой, когда русским мыслителям требовалось осмыслить оригинальное соединение мистики и рационализма, понять, насколько такой синтез приемлем для православного мировоззрения. Русской философии нужно было переболеть немецкими влияниями, чтобы определить свой оригинальный путь развития. Результатом борьбы за самобытность русской мысли стало известное идейное размежевание между славянофилами и западниками, когда первые, несмотря на свою европейскую образованность и явную принадлежность к западному стилю мышления, стали апологетами русской православной культуры, тогда как вторые явились фанатичными сторонниками окончательной ликвидации такой культуры с тем, чтобы превратить Россию в повторение Европы, а по сути – в ее колониальный придаток. С точки зрения Ильина, западники были только этапом в длительной экспансии Запада против России, которая имела не только философские или религиозные формы (ересь жидовствующих, католический и протестантский прозелитизм), но и прямые военные вторжения (поход Наполеона 1812 г., объявление войны Германией в 1914 г., нападение Гитлера в 1941 г.). По мысли Ильина, последовательный европоцентризм отрицает само существование России как отдельного культурного мира и предполагает революционную программу по ликвидации русской государственной и культурной самобытности. Ильин, не стесняясь в выражениях, называет вещи своими именами и видит сущность проблемы в «западном завоевательном империализме», для которого России просто не должно быть.

Исследуя общую идейную диалектику русской мысли, Ильин соединяет ее с методом личностного анализа, показывая, как разные идеи получают оригинальное развитие в трудах конкретных авторов. Личности русских мыслителей неординарны, их биографии нередко сложны для понимания. Для раскрытия биографического материала Ильин предлагал следующий подход: «Во всякой значительной биографии есть один или несколько так называемых “ведущих образов” и с ними связанных “ведущих линий”. Задача объективного исследователя – нащупать их и открыть, потом определить, наименовать. Если между этими образами и линиями наблюдается противоречие, ведущее к трагическим конфликтам, эти противоречия должны быть вскрыты и заострены»[15]. Только так, считает Ильин, можно понять и раскрыть такие личности как П.Я. Чаадаев, К.Н. Леонтьев, Ф.М. Достоевский и др.

Однако вместе с личностными характеристиками Ильин не забывает указать на то, что все самые выдающиеся русские мыслители, за редкими исключениями, были апологетами русской религиозной культуры и принадлежали к одному идейному направлению, несмотря на расхождения во взглядах. Большое внимание Ильин уделял и противоположному западническому лагерю второй половины XIX в., показывая его мировоззренческие основы и принципы. Он увидел во

взглядах западников удивительный парадокс: как правило, западники, существуя в мире своих иллюзий и идеологических схем, почти не знали подлинной западноевропейской культуры, воспринимая только то, что разрушало саму эту культуру – просветительскую и революционную идеологию. Естественно вся деятельность западников сопровождалась презрением к простому народу и ненавистью к русской государственности. Просветительский рационализм и позитивизм были заимствованы с Запада только в самых примитивных формах, в России они превращались в радикальную, максималистскую идеологию, не имеющую ничего общего с наукой. Исключениями из этого правила, по мнению Ильина, были К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин, которые подняли западничество на уровень серьезной академической науки. Так, Кавелин создал своеобразную историософию, или, по выражению Ильина, «национальную русскую философию западного типа». Естественно, что среди нигилистов и революционных радикалов Кавелин и Чичерин считались «чужими» за их бережное отношение к правовым институтам, признание религии и ее значения.

Засилье примитивного позитивизма и материализма продолжалось в России долгое время, но в конце XIX в. ситуация изменилась. Все больше появляется русских мыслителей, которые имеют смелость противостоять разрушительной революционной идеологии и зараженному ею «общественному мнению». Сначала это были одиночки, например, П.Д. Юркевич, К.Н. Леонтьев и Н.Я. Данилевский, затем образуются целые сообщества религиозных философов-идеалистов, в частности, объединенных вокруг Московского психологического общества (создано в 1885 г.). Как полагал Ильин, произошло освобождение от идеологического рабства, и история этого освобождения заслуживает пристального внимания. Хотя принято считать, что в центре религиозно-философского направления стоял Вл.С. Соловьев, Ильин доказывал, что гораздо большее значение имел профессор Московского университета П.Д. Юркевич, учитель Вл. Соловьева. Юркевич первым открыто выступил против материализма, вступив в полемику с Н.Г. Чернышевским. Он последовательно опровергал научную состоятельность материализма и тем самым нанес ему сокрушительный удар. Миф о научности материализма был опровергнут. Хотя Юркевич был подвергнут радикальной обструкции в революционно-демократической печати, его первый опыт был продолжен другими русскими мыслителями. Именно научная критика материализма и примитивного позитивизма имела решающее значение, и революционная демократия была вынуждена отступить и оставить научное поле деятельности, однако впоследствии смогла взять реванш посредством террора, вооруженного истребления и преследования инакомыслящих.

По выражению Ильина, вокруг Московского психологического братства и журнала «Вопросы философии и психологии» в 90-е гг.

XIX в. было создано «метафизическое братство» во главе с Вл.С. Соловьевым, Л.М. Лопатиным, С.Н. Трубецким, Н.Я. Гротом. Это братство и выступило единым фронтом против позитивизма и материализма. Однако религиозная философия имела не критическо-полемические, а в первую очередь творчески-созидательные цели, и благодаря этому направлению, как считал Ильин, была создана настоящая русская философская культура петербургского периода в его последней стадии. Как подчеркивал Ильин, большое значение имело то, что религиозно-философский ренессанс в России был связан с подъемом общефилософской и научно-философской культуры, и на смену деятельности религиозных мыслителей-одиночек пришло целое поколение, занимающееся глубоким изучением философских проблем.

Апогеем в истории русского философского ренессанса Ильин считал именно научно-философское университетское направление, представленное, прежде всего, русскими неолейбницеанцами и персоналистами (А.А. Козлов, Л.М. Лопатин, Н.В. Бугаев и др.). Научный академизм стал непреодолимым препятствием для примитивных дилетантов, которые в России обычно защищали позитивизм и материализм. Первый шаг к научно-академической философии сделал профессор Киевского университета А.А. Козлов, в одиночку прошедший путь от увлечения социализмом и материализмом через Канта и Шопенгауэра к личному идеалистическому мировоззрению, получившему глубокое научное обоснование. Как указывал Ильин, А.А. Козлов был «представителем очень умеренно представленной в России чистой философской культуры»[16]. Данное обстоятельство, по мнению Ильина, придает большой исторический вес Козлову. Ильин считал, что русская философия подвергалась опасности с двух сторон – как со стороны позитивистов и материалистов, так и со стороны религиозных метафизиков, а далее пояснял: «Опасность эта состояла в потере собственного предмета и метода философии. В первом случае она растворялась в натурализме, естествознании и в политической экономике, и в самой вульгарной эфемерной журнально-газетной политике, терпя одну судьбу с литературной критикой. Во втором случае, несмотря на совершенно противоположный первому возвышенный и грандиозный строй, несмотря на мощный полет вдохновения, она нередко утрачивала и свой предмет, и свой метод: богословие есть порою отправная точка философии, порою есть ее верхний предел, но все же философия не есть богословие и вера, и пребывание в чистоте предания не есть философский метод»[17]. Козлов же возвращает философии и предмет, и метод. Кроме того, он создал философское учение о бытии, развернутое в диалектическом порядке в издаваемом им журнале «Свое слово». Козлов сказал в русской философии «свое слово», показав новые горизонты для научно-философского знания. Единственный упрек, который находит

для Козлова В.Н. Ильин – это большая зависимость Козлова от идей профессора Дерптского университета Г.А. Тейхмюллера. Вместе с тем Ильин называет Тейхмюллера «родоначальником русско-немецкой философской школы неолейбницеанцев» и включает его в историю русской философии. Однако особое внимание Ильин уделяет профессору Московского университета Л.М. Лопатину, которого считает «классиком» и «первостепенным великаном» в русской философии.

За что Ильин оказал такую честь именно Л.М. Лопатину, который занимает на страницах различных «Историй русской философии» довольно скромное место? Объясняется это не только тем, что Лопатин, один из первых, создал систематическое философское учение, получившее название «конкретный спиритуализм», но и тем, что, по словам Ильина, он дал читателям, своим современникам «обильное, свежее и вкусное духовное питание»[18]. Глубокие и всесторонние знания в области истории философии, точность и глубина мысли, умение отыскать «крупицы истины» (по словам Ильина) – все это возвышало Лопатина даже над его выдающимися современниками, такими как Вл.С. Соловьев и Н.Я. Грот. Лопатин противопоставил отживающим свой век в России нигилизму, материализму и отвлеченному рационализму философию, в которой центром стала живая, творческая личность, или, по выражению Ильина, «теистический спиритуализм». Как полагал Ильин, Лопатин совершил двойной поворот в русской философии: 1) от безличной диалектики всеобщего к личной, конкретной диалектике субстанции, и 2) от «бога философов и ученых» Декарта и Спинозы к «Богу Авраама, Исаака, Иакова» Паскаля. Ильин высказал, по сути, очень парадоксальную мысль: возвращение к живой вере происходит не через религиозную метафизику в чистом виде, а через научно-философское обоснование духовного бытия, как это сделал Лопатин. Такой парадокс легко объяснить: религиозная метафизика, подобная метафизике всеединства Вл.С. Соловьева, может быть с полным основанием обвинена в субъективности и бездоказательности, тогда как научно-философский метод Лопатина приводит человеческую мысль к очевидности духовного бытия и убеждает в существовании человеческой души как субстанции. Лопатин в своих исследованиях соединил философскую логику и психологический анализ (по словам Ильина, «онтологическую логику» и «метафизическую психологию»), создав синтетическую теорию субстанциальности. Философский и психологический анализ субстанциального бытия, проделанный Лопатиным, вернул метафизику, почти похороненную позитивистами, из небытия, дал ей новый научный статус. В том же научно-философском направлении, что и Лопатин, пошли такие выдающиеся русские философы как Н.О. Лосский и С.Л. Франк, а закон творческой причинности Лопатина далее разработал В.В. Зеньковский в диссертации «Проблема психической причинности» (1915).

Переход от философской публицистики и поверхностных околофилософских сочинений к научно обоснованному религиозно-философскому знанию имел, кроме теоретического значения, и практический эффект: в разных научных областях (в биологии, медицине и т.д.) на место материалистическому и позитивистскому догматизму приходит более серьезное отношение к проблемам научного познания. Еще больший эффект имел подъем общего философского уровня для области права и, прежде всего, благодаря московской школе философии права, которую создал профессор Московского университета П.И. Новгородцев. Русская философия права, по мнению Ильина, имела два источника: исторический – правовые и общественные реформы императора Александра II и теоретический – правовые идеи в немецкой философии, которые русские ученые анализировали и интерпретировали. В русской философии права Новгородцева и его учеников утверждается идеал-реализм, когда право мыслится не как отвлеченная теория, а как реальность, которая получает личностное и этическое обоснование (свободная личность стоит в центре этой философии права).

Именно правовое творчество и общая оценка правовой ситуации дают возможность Ильину показать ту бездну, в которую обрушилась Россия после периода культурного расцвета. В конце своего исследования Ильин пишет: «...мы завершаем настоящее исследование по истории русской философии основными проблемами советского марксизма, гл<авным> обр<азом>, именно в правовой сфере и “с точки зрения права” – ибо все в конце концов сводится отнюдь не к диалектике, но именно к тому, что можно назвать монизмом полицейски-административного права». Настоящая философия заменяется на идеологию («советскую философию»), свободная личность – на субъект, обязанный служить идеологии и государственному псевдоидеалу, право – на «классовое сознание». Все прежние культурные ценности отрицаются как «буржуазные», все те, кто их защищает, изолируются или истребляются. Диалектика новой идеологии была не случайной, а глубоко продуманной. После 1917 г. были практически уничтожены все личностные, этические, правовые принципы, на которых была основана русская культура. Совсем неудивительно, что Ильин завершает изучение русской философии рубежом XIX и XX вв., и в частности – университетской философской наукой этого времени.

Русская наука конца XIX – начала XX в. достигла высшей точки развития, потому что имела прочные философские основания. Впрочем, расцвет пережила в этот период вся русская культура, включая литературу и музыку. Таким образом, концепция русской культуры В.Н. Ильина имеет диалектическую последовательность и законченность. Если наука и музыка выражают разные стороны русского наци-

онального духа – рациональную и надрациональную, то философия соединяет эти две части в синтезе, дает основания как для научного, так и музыкального творчества. Создание особой теории познания, которую В.Н. Ильин вслед за Н.О. Лосским называет «интуитивизмом», апология личности и личного бытия, нравственность, укорененная в религиозной онтологии – все это создает философское единство, необходимое для интенсивной творческой деятельности, которой ознаменовано начало XX в. в русской культуре. И все три части русской культуры – науку, музыку, философию – невозможно понять в отрыве друг от друга, их нужно изучать в соотношении – так считал В.Н. Ильин, сделавший значительный шаг в понимании тех духовных законов и процессов, которые определяли русскую культуру на протяжении веков – от Древней Руси до начала XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Ильин В.Н.* Эссе о русской культуре. – СПб., 1997; *Ильин В.Н.* Арфа Давида. – СПб., 2009; *Ильин В.Н.* Пожар миров: Избранные статьи из журнала «Возрождение». – М., 2010.

[2] См.: *Ильин В.Н.* Сократ и антропология самопознания // Вопросы философии. 2014. № 10; *Ильин В.Н.* Пережитое // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, 2014/2015. – М., 2015.

[3] Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына (АДРЗ). Ф. 31.

[4] АДРЗ. Ф. 31. Ед. хр. 616. Л. 2.

[5] Там же. Л. 9.

[6] Там же. Л. 34.

[7] Там же.

[8] Там же. Л. 56.

[9] Там же. Л. 102.

[10] Там же. Л. 270.

[11] АДРЗ. Ф. 31. Ед. хр. 557. Л. 31.

[12] Там же. Л. 260.

[13] АДРЗ. Ф. 31. Ед. хр. 166. Л. 95.

[14] Там же. Л. 147.

[15] АДРЗ. Ф. 31. Ед. хр. 175. Л. 15.

[16] АДРЗ. Ф. 31. Ед. хр. 180. Л. 7–8.

[17] Там же. Л. 8.

[18] АДРЗ. Ф. 31. Ед. хр. 181. Л. 6.

REFERENCES

Archive of A. Solzhenitsyn's House of the Russian abroad (in Russian).

Ilyin V.N. Bygone. In: Yearbook of A. Solzhenitsyn's House of the Russian abroad, 2014/2015. Moscow, 2015, pp. 461-515 (in Russian).

Ilyin V.N. *Essays about the Russian culture*. Saint Petersburg, 1997. 466 p. (in Russian).

Ilyin V.N. Fire worlds: Selected articles from the magazine “Revival”. Moscow, 2010. 752 p. (in Russian).

Ilyin V.N. Harp of David. Saint Petersburg, 2009. 552 p. (in Russian).

Ilyin V.N. Socrates and anthropology of self-knowledge. In: Voprosy filosofii. 2014. No 10, pp. 87-99 (in Russian).

Аннотация

В статье рассмотрены исследования В.Н. Ильина по истории русской культуры (из архива Дома русского зарубежья им. А. Солженицына). Автор статьи анализирует общую концепцию В.Н. Ильина, его методы и подходы к изучению многообразного материала (науки, музыки, философии). По мнению автора, В.Н. Ильин создал оригинальную концепцию русской культуры, показал ее диалектику и духовные основы.

Ключевые слова: философия русского зарубежья, русская культура, русская наука, русская музыка, русская философия, историософия, метафизика, диалектика культуры.

Summary

The article devoted to V.N. Ilyin’s researches about history of the Russian culture (from the archive of A. Solzhenitsyn’s House of the Russian abroad). The author of article analyzes the general concept of V.N. Ilyin, his methods and approaches to study of diverse material (science, music, philosophy). In author’s opinion, V.N. Ilyin created the original concept of the Russian culture, showed dialectics and spiritual bases of this culture.

Keywords: philosophy of the Russian abroad, Russian culture, Russian science, Russian music, Russian philosophy, historiosophy, metaphysics, dialectics of culture.